

УДК 930.272
ББК 63.223.3

Е.В. Уханова

Новые атрибуции древнейших пергаменных рукописей: новгородская минея XII в. особой редакции*

Реферат. В статье затрагиваются актуальные вопросы уточнения состава и атрибуции древнейшего восточнославянского рукописного наследия, находящегося в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. На основании палеографических, кодикологических и текстологических данных делается вывод о принадлежности до сих пор не связываемых фрагментов рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) — М. 1337 и Российской национальной библиотеки (РНБ) — Соф. 199 одному кодексу богослужбной двухмесячной минеи на март—апрель и о его возможном создании одним писцом ок. 1119 г. для новгородского Юрьева монастыря. В результате анализа палеографических данных рукописи делаются важные выводы о датирующих признаках, характерных для новгородских рукописей этого времени.

Ключевые слова: палеография, кодикология, богослужбные минеи, новгородские рукописи первой четверти XII в., Юрьев монастырь.

Для цитирования: Уханова Е.В. Новые атрибуции древнейших пергаменных рукописей: новгородская минея XII в. особой редакции // Библиотековедение. 2016. Т. 65, № 4. С. 409—417.

Одним из древнейших кириллических памятников, хранящихся в НИО рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), является отрывок мартовской служебной минеи — Музейное собрание (ф. 178), № 1337 (далее — М. 1337). Он представляет собой двойной пергаменный лист плохой сохранности, долгое время служивший оберткой переплета старопечатного Службника из собрания новгородского Софийского собора. В начале 1870-х гг. на эту обертку обратил внимание И.И. Срезневский, просматривавший отобранные А.Е. Викторовым из Софийской библиотеки книги для Московского Румянцевского музея. С согласия А.Е. Викторова И.И. Срезневский снял этот кусок пергамента с переплета, промыл его водой и, частично прочтя текст, сильно испорченный позднейшим бытованием, атрибутировал его [1, с. 191]. Песнопения св. Вурилу (Кириллу Катанскому) и св. Василию

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-04-00571 «Древнерусские скриптории XI — первой трети XII в.».

Елена Владимировна, Уханова,
Государственный исторический музей, отдел рукописей, ведущий научный сотрудник
Красная площадь, д. 1, Москва, 109012, Россия
кандидат исторических наук
E-mail: evou@nm.ru

привели исследователя к выводу, что перед ним фрагмент служебной минеи с отрывками служб 21 и 22 марта, на которые выпадали дни памяти этих святых в отдельных древних списках миней и Прологов.

В кратком описании отрывка И.И. Срезневский сообщил, что текст написан «минейным почерком» XI в., вероятно, имея в виду аналогии в списках новгородских миней 1095—1097 гг. (Российский государственный архив древних актов — РГАДА. Ф. 381 (Библиотека московской Сино-

дальной типографии — Син. тип.). № 84, 89, 91). Двойной лист имеет формат большой четверки с 26-строчным полем для текста. То, что И.И. Срезневскому удалось прочесть на этих испачканных и потертых страницах, он опубликовал с частичным восполнением утрат по списку мартовской минеи 1412 г. (Государственный исторический музей, Синодальное собрание (далее — Син.) 172), отметив несколько отличий между этими рукописями [1, с. 192—195]. Годом ранее А.Е. Викторов поместил краткие сведения об этом памятнике в Отчете Румянцевского музея [2].

После введения рукописи в научный оборот она не привлекла внимание ученых. Краткие сведения о ней фигурировали в нескольких описаниях коллекций РГБ, в «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв.» дано также краткое описание этого памятника без локализации и с датировкой «кон. XI в. (или кон. XI — нач. XII в.?)» [3, с. 63, № 20]. Единственным, кто посвятил ему специальное небольшое исследование, был один из его хранителей, ведущий московский палеограф Н.Б. Тихомиров, опубликовавший «Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина» (ныне РГБ). Однако новых данных он практически не приводит. Среди общих формальных характеристик отрывка он сохраняет датировку И.И. Срезневского — конец XI века. Н.Б. Тихомиров останавливается на графико-орфографических особенностях письма этих двух полулистов. Он констатирует отсутствие каких-либо диалектных черт, а также следов процесса падения редуцированных, указывая на датировку памятника временем до середины XII века. Это не противоречит указанию И.И. Срезневского на существование схожих почерков в новгородских минеях 1095—1097 гг., хотя никто так и не назвал, на каких листах в каких памятниках они находятся, не провел их палеографическое сравнение и не дал обоснования этому мнению. Тем не менее, совокупность выявленных на тот

момент данных позволило исследователю повторить прежнюю датировку и оставить открытым вопрос о происхождении этого отрывка [4, 5]. Н.Б. Тихомиров опубликовал фотографию одного из его листов (л. 1 об.).

В процессе работы по изучению древнерусских скрипториев XI—XII вв. удалось найти не только точную аналогию почерка рассматриваемого отрывка, но и рукопись, которой он когда-то принадлежал. Речь идет о служебной минее, которая сейчас атрибутируется как минея на апрель XII в. — РНБ. Софийское собрание, № 199, 48 листов (далее — Соф. 199) [3, с. 125, № 88]. Особенности почерков этих двух памятников полностью совпадают (рис. 1—2).

Прежде всего, это касается стиля письма. При общей высокой грамотности писца, почерк некаллиграфичный, некрасивый. Буквы и межбуквенные расстояния широкие, междустрочия высокие и чистые. Контур букв угловатый, рубленный. Засечек нет. В целом, почерк прямой, но

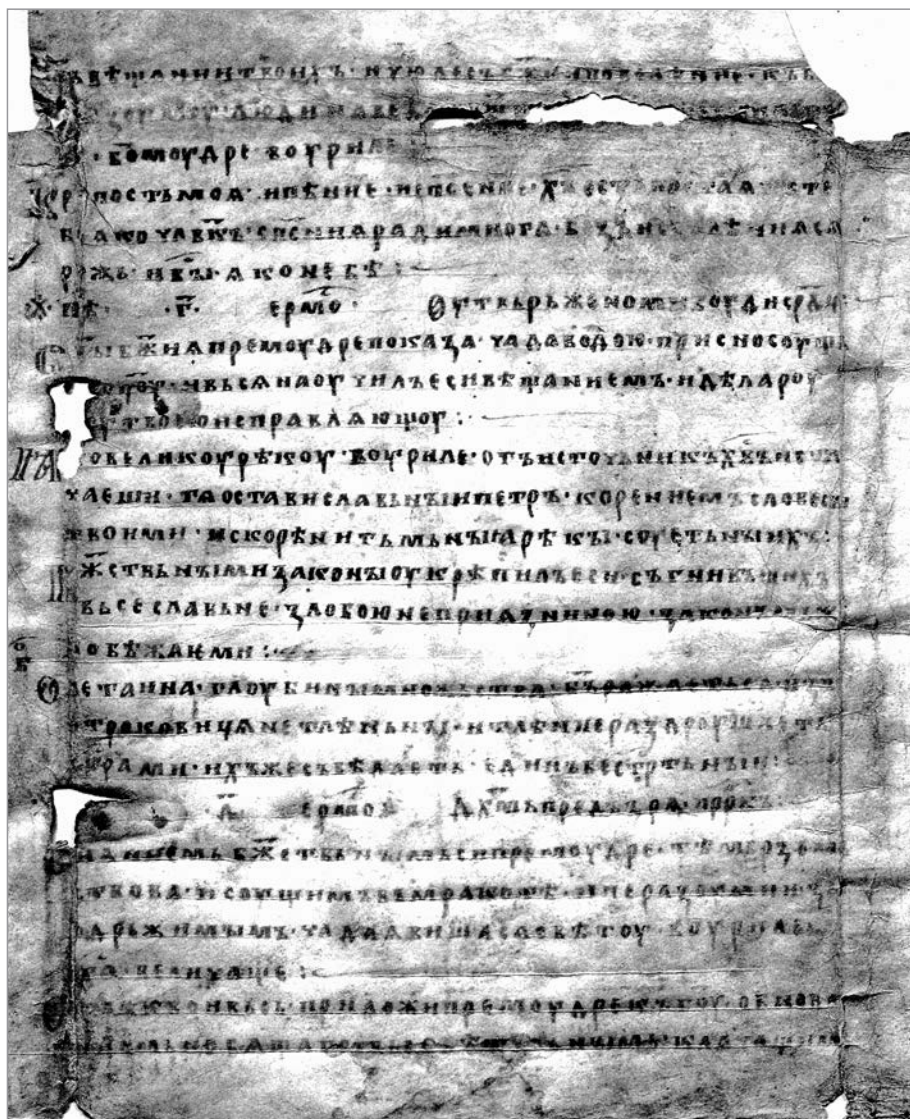

Рис. 1. Минея служебная, март. РГБ, М. 1337. Ок. 1119 г. Л. 1 об.

большинство букв неровные, их высота неустойчива: параллельные вертикали разной высоты и наклона; находящиеся на верхней линии строки горизонтали также нестабильны и имеют разный наклон. Отдельные элементы букв содержат вариативное начертание. Некоторую стабильность письму придают чрезмерно утолщенные вертикали, которые являются характерной особенностью именно этого писца. Вероятно, ему был известен прием каллиграфического письма — сочетания толстых и волосяных линий. Не владея возможностью исполнять тонкие волосяные линии, писец реализует дистанцию между линиями разной толщины именно в избыточном утолщении вертикальных мачт букв.

Еще одна характерная черта писца — формирование зримой верхней линии строки за счет введения в контур букв или акцентуации в нем верхнего горизонтального отрезка, что делает контур рубленным, огрубленным. Такая плоская «крышечка» (но не засечка!) появляется в начертании традиционно острых

верхушек а, д, л, м, р, ѡ. Эта же тенденция проявляется в написании больших горизонтальных отворотов у обычно острых или скругленных верхов к, ү, х и усиливается в большой отвороте ы и длинной перекладине ъ, находящейся на верхней линии строки. Бросающимся в глаза является начертание буквы з в виде зигзага со строго горизонтальными основанием и верхушкой, а также почти прямым хвостом, равным по высоте головке буквы. Подобная выраженная верхняя линия строки больше характерна для письма берестяных грамот, в которых часто встречается так называемая висячая строка, когда буквы пишутся не на строке, а под ней. Для берестяных грамот свойственно и зеркальное повернутое начертание ц [6, 7], встреченное нами в Соф. 199 (л. 6/5)¹. Рубленный контур букв усиливается угловатыми начертаниями большинства петель, которые имеют маленький размер (ь, ъ ъ, б, в). У в они в большинстве случаев равновеликие, что не мешает писцу иногда доводить образующую верхнюю петлю кривую до низа строки, а образующую нижнюю петлю кривую

выводить из верхней части мачты. Петля а пишется вариативно, но чаще — заостренной и узкой; петля у м ассиметрична и часто остроугольна; чашечка ү часто написана в виде угла, изредка подчеркнутого снизу, при этом иногда встречается вариант, когда визуально хвост продолжает не правую, а левую сторону чашечки.

Необходимо отметить обязательный наклон мачты у ъ и вариативный у ь и ъ, при этом у ъ мачта заметно выходит за верхнюю линию строки, что в сочетании с маленькой петлей делает ее диспропорциональной. В подавляющем большинстве случаев основной корпус ж пишется в три приема (иногда правая наклонная выполняется в два приема), пересекающихся в центре буквы; при этом чаще всего верхняя часть обеих наклонных завершается дополнительными вертикальными отрезками. ү имеет неглубокую угловатую или округлую чашечку. х пишется симметрично с пересекающимися в центре строки наклонными, которые лишь незначительно и в равной степени опускаются за пределы строки. Характерно, что большая часть хвостов букв з, ү, ф, х, ц, цц, в целом, имеет равную длину. Исключение представ-

Рис. 2. Минея служебная, апрель. РНБ, Соф. 199. Ок. 1119 г. Л. 20

ляет более длинный хвост ρ , который мягко переходит в уплощенную сверху или округлую петлю.

К характерным особенностям писца можно отнести также абсолютно симметричное начертание ϕ с равновеликими верхним и нижним отрезком мачты и уплощенной петлей, расположенной чаще всего посередине строки выше линии разлиновки или даже выше верхней линии строки в тех случаях, когда хвост написан в строке. Начертания η и η очень традиционны: в первом случае переключина пишется посередине буквы, во втором — проходит от верхней левой точки до нижней правой. Графемы ϵ и ϵ употребляются в качестве цифр «6» и «9»: ϵ повернута влево и имеет крупную головку, часто большую, чем основание; ϵ традиционно пишется в виде перечеркнутой посередине o . На конце строки употребляется \dot{i} с характерными «точками» в виде длинных наклонных штрихов. В этой же позиции несколько раз был употреблен \mathcal{S} , выполненный как полноценная лигатура: к букве o сверху приписана галочка с засечками v , обозначающая вторую часть диграфа — γ (л. 4/2, 7/25, 18 об./16, 26 об./13, 43/2, 43 об./17). Один раз \mathcal{S} был исправлен из o на месте ошибки (л. 30/1).

В отрывке из РГБ \mathcal{J} , а также йотированные юсы не встретились, в Соф. 199 \mathcal{J} употреблен семь раз на конце строки: в этимологически правильной позиции — взаконьствѣж (л. 4/16), двойственное число мѣнѣж (л. 15/22), вѣнѣж (л. 44 об./17), не этимологически, как дублет $o\gamma$ на конце строки — въ ѣж/пѣтъ (л. 34 об./17—18), бѣгающѣж / (л. 39 об./18), трѣдѣ (л. 45/8—9), на стыке двух $o\gamma$ — ѣмоу жстыненне / (л. 48 об./6). Начертание не лишено изящества, но совершенно нетрадиционно и отличается от остальных \mathcal{J} : от верхней горизонтали слева направо отходит изогнутая наклонная, образующая внизу правую ножку, а справа с небольшим наклоном влево — прямая наклонная, образующая внизу центральную вертикаль; левая ножка дописана отдельной линией. Йотированные \mathcal{I} и \mathcal{K} употребляются очень редко как дублетные буквы, часто на конце строки, где нужно заполнить оставшееся место.

Даже в начале слова, после гласных и шипящих писец преимущественно пишет \mathcal{A} и ϵ . Положение переключины у \mathcal{K} стабильно посередине; она переходит в язычок этой буквы. Переключина у \mathcal{I} , напротив, располагается вариативно — от центральной части буквы до ее верхнего уровня. В качестве малых инициалов могут употребляться широкие строчные буквы o и ϵ .

Яркими приметами этого почерка являются немногочисленные строчные и надстрочные знаки. Основным строчным знаком является стоящая в центре строки точка, а окончание песнопения обозначается двоеточием или тремя точками, которые дополнены очень длинной, размашистой горизонтальной «запятой». Как уже было отмечено, междустрочия чистые. Слов под титлами крайне

мало. К ним относятся pomina sacra , некоторые наиболее употребительные слова (нѣтъ , бѣтъ , улькѣ и т. д.), а также профессиональные термины (ермо , нѣтъ и т. д.). Без выносных титла очень маленькие с сильно поджатыми уголками. Остроугольные титла над выносными, напротив, очень размашистые и ассиметричные: одна из сторон существенно больше другой, а место их соединения часто выполнено неаккуратно, внахлест.

Наиболее показательным для датировки и атрибуции является начертание ω , которая встречается как в лигатуре $\bar{\omega}$ (в составе слов или в предлоге), так и самостоятельно (в начале слова, в заимствованных словах, как предлог или частица). В последнем случае над ней ставятся такие же два длинных штриха, как и над \dot{i} . ω пишется вариативно как и многие другие буквы. В отрывке из РГБ, М. 1337 $\bar{\omega}$ имеет две равновеликих округлых петли, немного разведенных внизу и сужающихся кверху, с высокой серединой; мачта τ очень мала и равна боковым засечкам (л. 1/16). Наряду с этим встречается написание $o\gamma\tau$ (л. 2 об./1), что является показателем ранней традиции. Однако в более объемной рукописи Соф. 199 можно найти и другие, сильно отличающиеся варианты, которые в теории не должны употребляться в одно и то же время.

Надо отметить, что в большинстве начертаний ω имеются две принципиальных новации, по сравнению с «mineйными почерками XI в.», о которых писали И.И. Срезневский и Н.Б. Тихомиров. Практически во всех почерках mineй 1095—1097 гг. и связываемых с ними рукописей [8] ω мыслится как симметричная графема, состоящая из двух законченных, независимых частей — равновеликих и равносторонних петель, расширяющихся кверху или имеющих вертикальные боковины. Иногда даже в месте соединения петель рисовалась небольшая горизонталь. Рассматриваемый нами писец учился писать ω принципиально по-другому. Узкие и вертикальные петли у него встретишь очень редко (л. 11/6, 17 об./25, 20 об./8, 26 об./14, 16). Наиболее привычное начертание для него имеет широко разведенные, часто несимметричные петли, сужающиеся кверху. Иногда ассиметричные петли разведены чрезмерно и излишне широки у основания (л. 7/10, 27 об./5, 32/9, 38/10, 48 об./24). Такая конструкция абсолютно несвойственна для подавляющего большинства ранних памятников XI века.

Вторая новация также характерна для гораздо более поздних рукописей (не ранее второй половины XII в.): средняя вертикаль во многих начертаниях ω занижена. Причем уровень понижения этой середины в разных случаях разный — от $\frac{1}{4}$ до половины высоты буквы (понижение на $\frac{1}{4}$ высоты доминирует). Разнообразие всевозможных вариантов заниженной середины ω таково, что на одном листе могут находиться буквы с высокой, средней и чрезвычайно низкой серединой (например, л. 11), что никогда не встре-

чалось в описанных до сих пор рукописях. Почти так же вариативно ведет себя **т** в лигатуре **ѡ**: ее мачта чаще всего очень большая, полноценная, но встречаются варианты с минимальной мачтой, сокращенной до ограничительных боковых засечек. Надо заметить, что у писца в этой лигатуре высота мачты **т** чаще всего не зависит от степени понижения середины у **ѡ**.

Такое разнообразие форм начертания **ѡ** невозможно представить себе ни в одной рукописи и особенно сложно это явление датировать, хотя во всех учебниках по палеографии начертание **ѡ** считается одним из основных, очень показательных датирующих признаков. Вероятно, сочетание архаичного и различных вариантов инновационных начертаний возможно на сломе традиции, в самый начальный момент создания новых форм, тем более что чаще всего в нашей рукописи они сопровождаются архаичным элементом (в лигатуре **ѡ** — новая **ѡ** с сильно заниженной серединой и архаичная **т** с очень высокой мачтой). Вопрос, когда это могло происходить, не только не имеет решения в современной палеографии, но и никогда до этого перед нею не вставал. Нам, однако, посчастливилось найти схожий, точно датированный образец, позволяющий решить эту проблему. В новгородской ноябрьской минее 1097 г. (Син. тип. 91) наряду с основными неискренними писцами Михаилом и Домкой принял участие еще один писец — каллиграф, бывший, вероятно, их наставником. Ему принадлежит чуть менее страницы в рукописи — л. 39 об., строки 6—20 [8, с. 223]. Несмотря на немного спешное и неровное письмо, рисунок его букв красивый и уверенный. На 11-й строке он употребляет новое начертание лигатуры **ѡ** с неровными разведенными внизу петлями, пониженной до уровня чуть выше половины высоты буквы серединой и **т** с маленькой, немногим больше боковых засечек мачтой. До сих пор такое начертание **ѡ** не фиксировалось ранее середины XII в. (новгородский Стихирарь, Соф. 384, 1155—1163 гг.), а все памятники XI — первой половины XII в. и многие более поздние рукописи второй половины XII в. содержали в себе **ѡ** с высокой серединой.

Нужно отметить найденные нами в языке Соф. 199 немногочисленные новгородизмы — неразличение аффрикат: **проувьль** (л. 18/1, 20 об./15), **проувнтають** (л. 30/14), **увѣтъ** (л. 30/14, 31/26). Они указывают на новгородское происхождение писца М. 1337 и Соф. 199. Таким образом, полагаем, что **ѡ** с пониженной серединой начала появляться в новгородских рукописях на рубеже XI—XII вв., была в этот период локальной особенностью, мало распространенной даже среди новгородских книжников, поэтому памятников этого времени с таким начертанием практически не сохранилось².

Наша датировка рассматриваемого почерка строится на учете как архаичных, так и новых

начертаний. Архаичных начертаний много: маленькие петли у **ь**, **ъ**, **ѣ**, **б**, **в**; наклонная мачта у **ъ**; написанная в три приема **ж**, при этом узел пересечения наклонных у нее и у **х** находится посередине строки; вариант написания **ѣ** с хвостом в строке и петлями посередине мачты; перекладина у **н** пишется строго посередине буквы, а у **н** проходит из верхнего левого угла в правый нижний; вариант написания **ѡ** с равновеликими узкими петлями и высокой серединой, при этом доминирующее написание в лигатуре **ѡ** верхней **т** как полноценной буквы с высокой мачтой; написание **Ѣ** как реальной лигатуры, состоящей из двух самостоятельных частей; употребление **ѣ**.

В последнем случае нужно отметить, что писец свободно распоряжается им как дублетом диграфа **ѡѣ**, употребляя **ѣ** по необходимости на конце строки для экономии места. Это свидетельствует о наличии у писца сложившейся школы, которая отражает восточнославянское правописание. В.М. Живов относил завершение процесса ее формирования к концу XI — началу XII в. [9]. К новациям в почерке наших рукописей относятся уже упомянутая **ѡ** с пониженной серединой и разведенными петлями, а также избыточно высокая мачта у **ъ**. Полагаем, что учитывая совокупность указанных признаков, можно датировать М. 1337 и Соф. 199 первой четвертью XII века. Их новгородское происхождение не подлежит сомнению. Помимо новгородских диалектных черт в языке писца можно отметить уже указанные выше навыки писца в создании берестяных грамот, возможно, документов (некнижный почерк, ярко выраженная верхняя линия строки из-за висящей строки берестяных грамот, вариант **а** с висящей петлей, зеркально повернутая **ц**).

Изучая Соф. 199 мы заметили, что сохранившиеся 48 пергаменных листов представляють лишь часть этого памятника, содержащего на данный момент службы с 12 по 30 апреля. Корешок старого переплета рукописи, изготовленного в XIV в., рассчитан на объем в 2,5 раза больший, чем существующий сейчас отдельно от него блок, т. е. приблизительно на 120—140 листов. Тексты службы для одного дня занимают стандартный объем в 2,5 листа, поэтому в первоначальном кодексе их должно быть более 50. Таким образом, первоначально эта рукопись создавалась как минея, содержащая песнопения на 2 месяца. Аналогичным примером является служебная минея начала XII в. на сентябрь—октябрь (Соф. 188), а также многочисленные греческие списки миней XI—XII веков. Учитывая наибольшие утраты в начале рукописи и логическое соображение о том, что в комплекте из шести томов двухмесячных миней, начинающемся с сентября—октября, апрельская минея будет объединена с мартовской, мы считаем, что первоначально список Соф. 199 содержал минею на март и апрель. Поэтому отрывок М. 1337 из мартовской миней с очень большой

долей вероятности входил именно в эту рукопись. На это указывает и факт его нахождения длительное время в той же библиотеке новгородского Софийского собора.

Кодикологические данные подтверждают это предположение, хотя сохранность М. 1337 настолько плоха, что дополнительные объективные данные (разлиновка, нумерация, наколы, пометы и т. д.) сведены к минимуму. Внешние параметры обоих фрагментов близки: размер листов Соф. 199, находящихся в хорошей сохранности, составляет $27,2 \times 21,8$ см, размер обрезанных листов М. 1337 — 26×21 см. Соф. 199 имеет пять различных типов разлинок, тип же разлиновки в М. 1337 невозможно определить с уверенностью из-за значительных утрат фрагментов пергамена на этом двойном листе, особенно по углам этой «обложки», а также из-за очень сильного загрязнения и замятостей пергамена. Поля текста в этих памятниках близки: в М. 1337 — $18,5 \times 15,4$ см, в Соф. 199 с учетом разных типов разлиновки — $18/19,6 \times 14,6/15,6$ см. Общим для М. 1337 и Соф. 199 является число строк на листе — 26^3 . Учитывая идентичность почерка в этих памятниках, а также указанные выше соображения о составе Соф. 199 и происхождении М. 1337 из Софийской библиотеки, можно с уверенностью утверждать, что отрывок М. 1337 и более крупный фрагмент Соф. 199 первоначально принадлежали одному и тому же кодексу двухмесячной минеи на март и апрель, созданной в Новгороде в первой четверти XII века. Судя по наличию на л. 1 (а также на л. 10 и 20) в Соф. 199 владельческой записи Софийского собора — «Библиотеки Новгородскаго Софийскаго Собора. 1855-го года», отрывок М. 1337 был утрачен в рукописи и использован для обложки старопечатного Служебника до 1855 года.

Состав Соф. 199 дает нам дополнительный материал для гипотезы о заказе этой рукописи. Структура служб на 12—30 апреля единообразна и заключает в себе ежедневные песнопения одному святому: седален, 3 стихир и канон, ирмосы которого даны лишь инципитом. Поэтому служба каждого дня неизменно занимает стандартные 2,5 листа (5 страниц). Исключение представляет лишь служба великомученику Георгию на 23 апреля (л. 26 об. — 31 об.), занимающая в два раза больший объем — 5 листов (10 страниц). После первого седална она расширена беспрецедентно большим числом стихир — пятнадцатью, сгруппированных в шесть комплектов без обозначения времени их исполнения: $3 + 3 + 3 + 4 + 1 + 1$. Далее помещен нетипичный для этой службы канон Андрея Критского (в списках этого времени (Син. тип. 11; Син. 165) обычно использовался канон Козьмы Маюмского — Син. тип. 11, Син. 165), содержащий к тому же чрезвычайно редкую для служб святым вторую песню. Необычайно большое число стихир производит впечатление их сведения здесь из различных источ-

ников. На это косвенно указывает и отсутствие указания места их исполнения, что для шести комплектов записанных подряд стихир не является нормой. Часть из них обнаруживаются в иной последовательности в ряде других древних списков, часть же — вообще не найдены [10, с. 265, 324—345]. Несомненно, что такая компиляция была проделана специально по заказу той церкви или монастыря, для которого культ св. Георгия был чрезвычайно значим, а его день памяти был особым праздником с расширенной и продолжительной службой, требующей дополнительных стихир.

В Новгороде, где была создана эта рукопись, в первой четверти XII в. существовал единственный центр особого почитания св. Георгия — крупнейший княжеский Юрьев монастырь, основанный около 1119 года. В Новгородской первой летописи он упоминается впервые под этим годом в связи с закладкой там новгородским князем Всеволодом, сыном Мстислава Великого, каменной церкви: «Заложы Кюрьякъ игумень и князь Всѣволодъ церковь камяну манастырь святого Георгия Новѣгородѣ» [11]. Из жалованной грамоты монастырю 1130 г. следует, что именно Мстислав, уже став киевским князем, делает вклад в обитель через княжившего после него в Новгороде своего сына Всеволода: «Се азъ Мъстислав Володимиръ сынъ, държа Русьску землю ... повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати [село. — Е.У.] Буицѣ святому Георгиеви... А язъ далъ рукою своею и осеннее полюдие даровное... А се я Всеволод далъ есмь блюдо серебряно...» [12]. Тем не менее, несмотря на очевидный ктиторийский патронат над монастырем Мстислава и Всеволода, в XIX в. при решении вопроса о его основателе и времени создания исследователи выдвинули умозрительную гипотезу о закладке этой обители Ярославом Мудрым около 1030 года. Эта версия была продиктована желанием найти ее создателя на фоне отсутствия потенциальных ктиторов из княжеской династии того времени, носивших в крещении имя Георгий. Вместе с тем все известные нам княжеские монастыри, согласно существовавшей тогда традиции, были посвящены небесному патрону ктитора или членам его семьи. Мстислав носил крестильное имя Феодор, а его сын Всеволод — Гавриил. До их деятельности в обустройстве монастыря среди имевших отношение к Новгороду князей лишь Ярослав Мудрый имел небесным покровителем св. вмч. Георгия. В качестве новой попытки объяснить заботу Всеволода Мстиславовича о Юрьевом монастыре было высказано мнение о том, что святой патрон Ярослава Мудрого становится «семейным покровителем» ближайших поколений Рюриковичей, особенно почитаемым в родовой линии его сына Всеволода: внуком Владимиром Мономахом, правнуком Мстиславом Великим и праправнуком Всеволодом. Со временем св. Георгий начинает

рассматриваться как покровитель всего рода русских князей [13].

Однако мы уже писали о связи новгородского, а с 1117 г. и киевского князя Мстислава Великого с именем св. Георгия [14]. Помимо широко известного основного имени он носил также имя Харальда в честь английского деда, последнего англо-саксонского короля, погибшего в 1066 г. в битве с норманнами, возглавляемыми Вильгельмом Завоевателем. Именно под именем Харальда он упоминается в скандинавских источниках и вероятно, только так он был известен в европейских странах [15], где воспринимался как последний прямой наследник англо-саксонской династии. При крещении Мстислав получил имя Феодор, но, возможно, имел и второго небесного патрона — св. Георгия, что в историографии обычно считается ошибкой. Свидетельство об этом нескольких источников не позволяет нам игнорировать такую возможность. Именно так — Гюрги (сканд. *Gyrgir*) — он назван в Лаврентьевской летописи в сообщении о смерти его внука Мстислава Ростиславича [16, стб. 387. Ср. известия под 1179 и 1180 гг.]. В Новгородской III летописи в сообщении о закладке в 1113 г. собора св. Николая на Ярославовом дворище, его основателем называется Мстислав, «нареченный во святом крещении Георгий» [17]. Эту же информацию повторяет более пространное Чудо св. Николая, «и что ради церковь святаго Николаа соборная, иже на торговой стране, на Ярославле дворище, именуется» [18]. Возможно, что «Георгий» было патрональным именем его деда Харальда⁴, которое наряду с его мирским именем могло быть перенесено на Мстислава. В любом случае, в источниках нет никаких свидетельств о широком церковном строительстве в Новгороде Ярослава Мудрого, за исключением закладки им кафедральной Св. Софии. В то же время очевиден особый патронат Мстислава Великого над Юрьевым монастырем, о котором он продолжает заботиться, делая вклады через сына, даже уйдя из Новгорода на великое княжение в Киев.

Даже если предположить, что Юрьев монастырь существовал задолго до строительной деятельности Мстислава и Всеволода, создание в обители первой каменной церкви и, несомненно, другое ее обустройство предполагало заказ нового комплекта богослужебных книг, в том числе и миней. Совпадение предполагаемой даты создания рукописи — первой четверти XII в., основанной на палеографических данных, и времени создания (или обустройства) центра почитания св. Георгия, особым образом отмеченном в Соф. 199, дает нам все основания предполагать, что данная двухмесячная минея, сохранившаяся на сегодняшний день в двух фрагментах — М. 1337 и Соф. 199, могла с большой степенью вероятности быть написана для монастыря св. Георгия около 1119 года. Более того, полагаем, что причиной тщательного

сохранения именно окончания апрельской части на фоне утраты остальных пяти с половиной томов этого комплекта, была заинтересованность монахов Юрьева монастыря в максимально полном комплекте песнопений св. Георгию, собранном из самых разных источников в Соф. 199 в момент основания этой обители. На богатого заказчика указывает и высокое качество пергамента: большой размер листа, однородный (тонкий и средней толщины), светлый, хорошая выделка с заметным лощением, минимальное число дефектных листов (на 48 листов только три листа с заметными естественными дефектами — Л. 4, 17, 39), большие поля.

Таким образом, ценность реконструируемой нами минеи на март—апрель М. 1337 — Соф. 199 многократно возрастает. Помимо отождествления двух частей из одной рукописи, нами определено место и с большой вероятностью время создания этого памятника — Новгород, около 1119 года. Добавление еще одного датированного памятника к известным на сегодняшний день пяти древнерусским кодексам XII в. с точной датой дает свежий материал для лингвистов и палеографов, а атрибуция его Юрьеву монастырю — новые данные для историков богослужения и текстологов. Необходимо отметить, что древнерусских списков мартовских миней ранее второй половины XIII в. не сохранилось. Поэтому фрагмент М. 1337 особенно ценен для истории богослужения древнерусской церкви. Необходимо также отметить особую редакцию текста апрельской минеи в Соф. 199, частично отличающуюся от остальных ранних восточнославянских списков. Несомненно, что и мартовский фрагмент М. 1337 содержит ту же особую редакцию. Наше сравнение его с наиболее ранним древнерусским списком мартовской минеи второй половины XIII в. (Син. тип. 106) показал существование значимых разночтений, которые нуждаются в дальнейшем текстологическом исследовании.

Примечания

- ¹ Здесь и далее при ссылке на текст рукописи в числителе дается номер листа, в знаменателе — номер строки.
- ² К памятникам с такой особенностью мы относим начальные тетради, выполненные первым писцом Софийского Апостола (Соф. 32, начало XII в.).
- ³ В Соф. 199 на л. 48 насчитывается 25 строк.
- ⁴ В популярной литературе почитание св. Георгия в Англии, в том числе и в качестве небесного покровителя всей страны, связывается с более поздними норманнскими правителями и крестовыми походами, со времен которых остались убедительные свидетельства об этом. Однако источники, подтверждающие непопулярность св. Георгия в более раннее время, при англо-саксонской династии, отсутствуют. Возможно, выбор св. Георгия как небесного патрона в более позднее время обусловлен его ранним почитанием наряду со св. королем Эдмундом и другими святыми.

Список источников

1. Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук (ОРЯС). Санкт-Петербург, 1874. Т. XII, № 1. L I. С. 191—195.
2. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музея за 1870—1872 гг. Москва, 1873. С. 61.
3. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. Москва, 1984. 404 с.
4. Тихомиров Н.Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Москва, 1962. Вып. 25. С. 152—154, 175—176.
5. Тихомиров Н.Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Москва, 1972. Вып. 33. С. 214.
6. Worth D.S. Mirror Reversals in Novgorod Paleography // Language and Literary Theory: (In Honor of Ladislav Matejka). Ann Arbor: Univ. of Michigan, 1985. P. 215—222 (Papers in Slavic Philology, № 5).
7. Живов В.М. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII вв. // Восточнославянское правописание XI—XIII вв. Москва, 2006. С. 100, 102—103, примеч. 22, 24.
8. Уханова Е.В. О становлении новгородского книгописания в XI — начале XII в. // Хризограф. Вып. 3. Москва, 2009. С. 204—236.
9. Живов В.М. Проблемы формирования русской редакции церковнославянского языка на начальном этапе (По поводу книги И. Тота «Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI — начале XII в.». София, 1985.) // Восточнославянское правописание XI—XIII вв. Москва, 2006. С. 225—259.
10. Gottesdienstmenäum für den Monat April auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM) / Herausgegeben von Dagmar Christians und Hans Rothe. Paderborn—München—Wien—Zürich, 2014. Teil 3.
11. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва, 2000. Т. III. Вып. 1. С. 21.
12. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва ; Ленинград, 1949. С. 140.
13. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. Москва, 2006. С. 10.
14. Уханова Е.В. К вопросу о месте Мстиславова Евангелия в культуре Древней Руси конца XI — начала XII в. // Palaeoslavica. Cambridge, 2006. Vol. 14. С. 588—589.
15. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Москва, 2001. Стб. 387.
16. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Лаврентьевская летопись. Москва, 2001. Т. I. 733 с.
17. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Новгородские летописи. Санкт-Петербург, 1879. Т. III. Вып. 2. С. 187—188, 213.
18. Никольский Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. № I—XXIII // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук (ОРЯС). Санкт-Петербург, 1907. Т. 82, № 4. С. 58—61 ; № 5. С. 608—615.

*Иллюстративный материал
предоставлен автором статьи*

The New Attribution of the Earliest Parchment Manuscripts: Special Version of the Novgorod Menaia of the 12th century

Elena V. Ukhanova,

The State Historical Museum, 1 Red Square, Moscow, 109012, Russia

E-mail: evou@nm.ru

Abstract. The article discusses the actual questions of clarification of composition and attribution of the oldest East Slavic manuscript heritage in the libraries of Moscow and St. Petersburg. On the basis of comparison of palaeographical, codicological and textual data there is made a conclusion that two separate manuscript fragments RSL, M. 1337 and NLR, Sof. 199 belong to the one codex. That manuscript was a two months worship Service Menaia for March—April written by a scribe for St. George monastery in Novgorod approximately in 1119. On the basis of palaeographic analysis of manuscript there is made significant conclusion on the very important features of the Old Russian script in Novgorod of that time.

Key words: Palaeography, Codicology, Worship Service Menaia, Novgorod Manuscripts of the first quarter of the 12th century, St. George (Yuryev) Monastery in Novgorod.

Citation: Ukhanova E.V. The New Attribution of the Earliest Parchment Manuscripts: Special Version of the Novgorod Menaia of the 12th century, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science], 2016, vol. 65, no. 4, pp. 409—417.

Acknowledgements: The work was carried out at the support of the RHF Grant 14-04-00571 “The Old Russian Scriptoria of the 11th — the first third of the 12th century”.

References

1. Sreznevskii I.I. Svedeniya i zametki o maloizvestnykh i neizvestnykh pamyatnikakh [Information and Notes about Little Known and Unknown Monuments], *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk* [Collection of Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1874, vol. XII, no. 1, chapter 51, pp. 191—195.
2. *Otchet Moskovskogo Publichnogo i Rumyantsevskogo muzeya za 1870—1872 gg.* [Moscow Public and Rumyantsev Museum Report 1870—1872]. Moscow, 1873, p. 61.
3. *Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR. XI—XIII vv.* [Union Catalogue of Slavic-Russian Manuscript Books which Store in the USSR. XI—XIII cent.]. Moscow, 1984.
4. Tikhomirov N.B. Katalog russkikh i slavianskikh pergamenykh rukopisei XI—XII vv., khranyashchikhsya v Otdel rukopisei Gos. b-ki SSSR im. V.I. Lenina [Catalogue of Russian and Slavic Parchment Manuscripts of XI—XII cent. Stored in Manuscripts Department of the Lenin State Library of the USSR], *Zapiski Otdela rukopisei GBL* [Notes of Manuscripts Department of the Lenin State Library]. Moscow, 1962, issue 25, pp. 152—154, 175—176.
5. Tikhomirov N.B. Katalog russkikh i slavianskikh pergamenykh rukopisei XI—XII vv., khranyashchikhsya v Otdel rukopisei Gos. b-ki SSSR im. V.I. Lenina [Catalogue of Russian and Slavic Parchment Manuscripts of XI—XII cent. Stored in Manuscripts Department of the Lenin State Library of the USSR], *Zapiski Otdela rukopisei GBL* [Notes of Manuscripts Department of the Lenin State Library]. Moscow, 1972, issue 33, p. 214.
6. Worth D.S. Mirror Reversals in Novgorod Paleography, *Language and Literary Theory: (In Honor of Ladislav Matejka)*. Ann Arbor, Univ. of Michigan Publ., 1985, pp. 215—222 (Papers in Slavic Philology, no. 5).
7. Zhivov V.M. Pravila i proiznoshenie v russkom tserkovnoslavyanskom pravopisanii XI—XIII vv. [Rules and Pronunciation in Russian Church Slavonic Spelling of XI—XIII cent.], *Vostochnoslavyanskoe pravopisanie XI—XIII vv.* [East-Slavonic Church Spelling of XI—XIII cent.]. Moscow, 2006, pp. 100, 102—103, notes 22, 24.
8. Ukhanova E.V. O stanovlenii novgorodskogo knigopisaniya v XI — nachale XII v. [About Formation of Novgorod Book Writing in XI — Beginning of XII cent.], *Khrizograf* [Chrysograph]. Moscow, 2009, issue 3, pp. 204—236.
9. Zhivov V.M. Problemy formirovaniya russkoi redaktsii tserkovnoslavyanskogo yazyka na nachal'nom etape (Po povodu knigi I. Tota “Russkaya redaktsiya drevnebolgarskogo yazyka v kontse XI — nachale XII v.”. Sofiya, 1985.) [Problems of Russian Edition Formation of Russian Slavonic Language at the Initial Stage (About the Book by Tot I. “Russian Edition of Old Bulgarian Language at the End of XI — Beginning of XII cent”. Sofiya, 1985.)], *Vostochnoslavyanskoe pravopisanie XI—XIII vv.* [Eastern Slavic Spelling XI—XIII cent.]. Moscow, 2006, pp. 225—259.
10. Christians D., Rothe H. (ed.) *Gottesdienstmenäum für den Monat April auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau*. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2014, Teil 3.
11. *Polnoe sobranie russkikh letopisei (PSRL). Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov* [Complete Collection of Russian Chronicles. The First Novgorod Chronicle of an Elder and Junior Recensions]. Moscow, 2000, vol. III, issue 1, p. 21.
12. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of the Grand Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad, 1949, p. 140.
13. Litvina A.F., Uspenskii F.B. *Vybor imeni u russkikh knyazei v X—XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [Choice of the Name for Russian Dukes in X—XVI cent.: Dinastic History Through the Prism of Onomastics]. Moscow, 2006, p. 10.
14. Ukhanova E.V. K voprosu o meste Mstislavova Evangeliya v kul'ture Drevnei Rusi kontsa XI — nachala XII v. [To the Issue of the Place of the Mstislav's Gospels in the Culture of Ancient Russia at the End of XI — Beginning of XII cent.], *Palaeoslavica* [Palaeoslavica]. Cambridge, 2006, vol. 14, pp. 588—589.
15. Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh* [Ancient Russia in the International Paths]. Moscow, 2001.
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisei (PSRL). Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Lavrenty Chronicle]. Moscow, 2001, vol. I, pp. 187—188, 213.
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisei (PSRL). Novgorodskie letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles. Novgorod Chronicles]. St. Petersburg, 1879, vol. III, issue 2.
18. Nikol'skii N.K. Materialy dlya istorii drevnerusskoi dukhovnoi pis'mennosti, no. I—XXIII [Proceedings for the History of Old Russian Spiritual Writings, no. I—XXIII], *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk* [Collection of Russian Language and Literature Department of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1907, vol. 82, no. 4, pp. 58—61 ; no. 5, pp. 608—615.